

Германия в поисках новой миссии и стратегии

Приближающийся 70-летний юбилей Великой Победы будет отмечаться в глубоко изменившихся условиях. Украинский кризис и война на Донбассе, грозящие вылиться в конфликт куда большей интенсивности, геополитическое и геоэкономическое противостояние России и Запада, способное перерасти в новую «холодную войну», подвели черту под постсоветской эпохой. Не будет ни малейшим преувеличением утверждать, что эта эпоха закончилась безвозвратно. И мир, и Россия вступают в эпоху новых фундаментальных вызовов. Совершенно очевидно, что сегодня необходимы качественно новые подходы и стратегии, позволяющие ослабить или нейтрализовать существующие либо возникающие угрозы. Один из таких вызовов зреет в недрах ЕС и связан с очередной актуализацией «германского вопроса». Во-первых — в контексте кризиса общеевропейских институтов и самого европейского процесса, а во-вторых — из-за позиции современного Берлина относительно воссоединения Крыма с Россией и кризиса на Украине.

Распад «Восточного блока», объединение Германии и подписание Маастрихтского договора в 1992 году, равно как и ситуация экономического кризиса, начавшегося в 2008-м, создали для Германии широкое «окно возможностей» для реализации заявленных ранее принципов, идей и инициатив. На фоне кризиса других европейских обществ и стран Германия накопила значительные социально-экономические и культурно-информационные ресурсы, нарастила «символический капитал» (П. Бурдьё) до уровня, позволяющего ей выдвигать собственные политические проекты, выходящие за рамки наложенных на нее в 1945 году военно-политических ограничений. Кризис Еврозоны и подъем Германии поставили под сомнение существующую архитектуру европейского и мирового порядка. Как полагает российский историк и социолог Андрей Фурсов, кризис Еврозоны — одно из важнейших событий последних лет, причем у него несколько уровней и целый спектр политических последствий. По мнению ученого, этот кризис свидетельствует о кри-

БИРЮКОВ Сергей Владимирович — профессор кафедры политических наук Кемеровского государственного университета, доктор политических наук.

Ключевые слова: политика, территория, национализм, экспансия, европейская интеграция, политические стратегии, Объединенная Европа.

зисе неолиберальной системы и глобализации в целом. Известная искусственность Евросоюза в том виде, в каком он конструировался, стала проявляться уже в конце 1990-х. Кризис 2008 года сделал эту искусственность более чем очевидной. В переживающей кризис Европе выделяется постнеолиберальный лидер — Германия как центр «каролингского ядра» (Германия, Франция, Северная Италия), который призван консолидировать Европу на качественно новых основаниях. Внешне это выглядит как распад глобальной системы на блоки, напоминающие «большие пространства» или «пан-регионы». Такие импероподобные образования (ИПО) предполагают, согласно Фурсову, соединение атрибутов наднациональной власти, суперконцерна и ордена, а также комбинацию институционально-иерархического и сетевого принципов. По форме они представляют собой более или менее органичные наднациональные блоки с населением не менее 300—350 миллионов человек¹.

Германия — кандидат номер один на роль создателя политического объединения подобного типа. Показательно, что имперский дискурс постепенно возвращается в повестку дня в самой Германии. Так, берлинский историк Х. Мюнклер пытается реабилитировать этот дискурс, рассматривая империи как воплощение порядка, противостоящего хаосу, и призывает к превращению Европы в «субцентр имперского пространства», преодолевающий свою «периферийность» по отношению к США². Развивая эту тему, публицист А. Позенер утверждает, что Европа должна стать «мировой державой» и «империей будущего»³. А социологи У. Бек и Е. Гранде выдвигают концепцию «космополитической Европы», которая, по их мнению, должна прийти к модели «новой империи», основанной на «экспансии без гегемонии», «мультинациональных гражданских структурах», «сетевой власти» и принципе «космополитического суверенитета»⁴.

Чтобы понять смысл и перспективы этого нового геополитического и геоэкономического проекта, необходимо обратиться к рассмотрению эволюции германской стратегии национально-государственного строительства и внешнеполитического позиционирования по отношению к Европе и миру.

Идеология экспансии: истоки и последствия

Немецкий подход к проблемам строительства Единой Европы изначально являлся противоречивым и сложным, что предопределялось непростой эволюцией германской внешнеполитической стратегии. Германия, намного позже Франции пришедшая к решению проблем нацио-

¹ См. **Фурсов А.** Пятый Рейх. — <http://via-midgard.info/news/25082-andrej-fursov-vozhrozhdenie-pyatogo-rejxa.html>.

² См. **Münkler H.** Imperien. Die Logik der Weltherrschaft — vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten. Berlin, 2005. S. 247.

³ См. **Posener A.** Imperium der Zukunft: Warum Europa Weltmacht werden muss. München, 2007.

⁴ См. **Beck U., Grande E.** Das kosmopolitische Europa. Frankfurt am Main, 2007. S. 14—29, 85—128.

нально-государственного самоопределения и объединения, прошла через драматичный процесс становления собственной геополитической традиции. Немецкое национальное «пробуждение» было связано с Великой французской революцией. Разразившиеся после 1792 года войны вызвали во всей Европе не только революционные ожидания, но и рост национального самосознания и возникновение идеи борьбы за права народов, которая нередко принимала форму национализма. При всей условности традиционной характеристики германского национализма, следует признать, что это течение нигде не приняло столь жестких форм выражения, как в тихой и косной до определенной поры среде германского общества. Возникший в этот период германский национализм должен был решить вопрос о взаимоотношениях между нацией, культурой и территорией, от чего напрямую зависело будущее страны и народа. И в конце концов такое решение было найдено.

Рассуждая о проблеме восприятия национальной территории в немецкой истории XIX—XX веков, германский исследователь О. Данн утверждает, что в 1813—1990 годах, оцениваемых автором как единый период, в отношениях между нацией и территорией присутствовала одна специфическая дилемма. Она была связана с неясностью вопроса о соотношении между собственно нацией и территорией, что впоследствии положило начало имперской традиции⁵. Нация и территория долгое время рассматривались в отрыве друг от друга, и это привело к конкуренции между «великогерманской» и «малогерманской» стратегиями. «Великогерманцы» (Grossdeutsch) стремились к объединению Германии на федеративном основании, включая Австрию, причем даже с негерманскими ее провинциями, в рамках так называемой «семидесятиmillionной державы». Целью же «малогерманской» партии (Kleindeutsche Lösung der Deutschen Frage) было объединение Германии с Пруссией во главе и с исключением Австрии; эта цель была достигнута в результате побед прусского оружия 1866 и 1870 годов.

В конечном итоге идея пространственной экспансии победила идею этнотерриториальной гомогенности. Имперский принцип в итоге возобладал, на долгое время заменив собой идею национальной государственности. Будучи соединенным с идеей «жизненного пространства» и экспансии, в XX столетии он привел к весьма драматичным геополитическим последствиям.

В связи с этим следует напомнить, что Германия пережила сложное и противоречивое развитие геополитической традиции. Главным вопросом эпохи, последовавшей за наполеоновскими войнами, был вопрос об историческом месте немцев среди других народов, и решался он в «культуроцентричном» духе, без масштабных политических рефлексий.

Так, окончательное крушение Священной Римской империи германской нации в годы побед революции (1794—1806) было встречено интеллектуальными кругами Германии с полным равнодушием. Своеобраз-

⁵ См. **Dann O.** Nation und Nationalismus in Deutschland: 1770—1990. München, 1993. S. 124—168, 197—218.

ной моральной компенсацией за это стало освобождение «жизненных сил» немецкого народа. При виде произошедшей катастрофы Фридрих Шиллер, например, утешал себя мечтой о культурной силе немцев, не зависящей от судьбы его правителей. В сходном ключе рассуждал и его великий современник и соотечественник — Иоганн-Вольфганг Гете. Залогом единства немецкого народа он считал немецкий язык и культуру, распространению которой уделял особое внимание: «Германия — ничто, но каждый германец в отдельности значит много... Надо, чтобы германцы рассеялись и были рассеяны, как евреи, для того, чтобы к благу всех наций и во всей силе развить ту массу добрых качеств, которые заложены в них самих»⁶.

Продолжателем идей Гете и Шиллера выступил выдающийся немецкий философ и историк Иоганн-Готфрид Гердер, выразивший свои взгляды в «Идеях к философии истории человечества». Философия Гердера основана на идее, что человечество в своем развитии закономерно приходит к гуманизму, то есть к совершенному порядку социально-политического устройства и отношений между людьми. Историческое развитие имеет прогрессивный, восходящий характер, который ведет его к идеалу, но не напрямую, а через эпохи, выразителями духа которых были отдельные выдающиеся народы (Египет, Персия, Греция, Рим, европейские народы, и в том числе немцы)⁷.

В дальнейшем происходил постепенный переход от идеи общечеловеческого призвания немецкой национальной культуры к обоснованию особого немецкого пути и национальной исключительности. Представители более позднего поколения мыслителей, рассуждавших об исторической судьбе немецкого народа, попытались соединить «немецкую национальную идею» с идеей государственности, и их национализм уже носил не «культурно-просветительский», но достаточно жесткий и шовинистический характер, что отчасти было вызвано реакцией на завоевания Наполеона. При этом национализму новой когорты немецких мыслителей был присущ скорее изоляционистский характер, нацеленный на обособление немцев от культурного влияния других европейских народов. Это прежде всего касалось тезиса о «пространственной замкнутости» страны и ее «естественных границах». Последние, с одной стороны, должны были создавать чувство безопасности, а с другой — служить исходным пунктом для дальнейшего развития.

Наиболее значимые представители этой когорты мыслителей — И.-Г. Фихте, А. Мюллер и Ф. Лист, во многом предвосхитившие будущую науку о границах. Их подход подразумевал, что любая великая держава должна быть защищена от соседних стран морями и высокими горами. Главной идеей на время становится «оборонная самодостаточность».

Так, профессор основанного в 1810 году Берлинского университета Иоганн-Готлиб Фихте разрабатывает концепцию полусоциалистического

⁶ См. *Историография Европы, философы, мыслители, правители.* — <http://istoriographia.ru/germanskaya-intelligenciya>

⁷ См. **Гердер И.-Г.** *Идеи к философии истории человечества.* М.: Наука, 1977. С. 607—608.

и автаркического по своему духу «Замкнутого торгового государства» (1800)⁸, представлявшую собой идеализацию прусских порядков (Освальд Шпенглер впоследствии назовет это «прусским социализмом»). Под впечатлением побед Наполеона Фихте печатает свои «Речи к германской нации», проникнутые враждой к идеям Просвещения и культуре романских народов. Немцы определяются в качестве «молодого народа», призванного с «чистого листа» создать адекватные им культурные формы⁹.

В то же время заявленная стратегия «культурного обособления» и «оборонной самодостаточности» вовсе не исключала идеи экспансии, подтверждавшей «историческую избранность» немецкого народа.

Квинтэссенция экспансионизма неразрывно связана с творчеством Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. В своей «Философии истории» он указывал на предопределенность истории разных народов географическими факторами. Все народы делились им на «исторические» и «неисторические». При этом только в «исторических народах», по его мнению, был воплощен мировой дух, именно они создают великие государства,

Положение Германии в центре Европы, по мысли ряда немецких теоретиков, создавало предпосылки для ее господства над всем континентом. «Срединная Европа» представляла собой, по их убеждению, естественную область для германского проникновения.

осуществляют территориальную экспансию. «Неисторические народы» (в том числе, по его мнению, и славяне) выступают у Гегеля лишь как объект покорения. Главное воплощение миссии «исторического народа» — создание великого государства, выражающего национальный дух. Подобное государство, выступая как естественный враг всех иных государств, должно утверждать свое существование путем войны, которая нравственно оправданна и укрепляет дух и единство народа¹⁰. Именно с Гегелем связано торжество «прусской» традиции в немецкой политической мысли над более гибкими и взвешенными подходами к проблеме «германского самоопределения».

Положения гегелевской историософии были вскоре конкретизированы немецкими мыслителями применительно к европейскому пространству. Положение Германии в центре Европы, по мысли ряда немецких теоретиков, создавало предпосылки для ее господства над всем

⁸ См. Фихте И.-Г. Замкнутое торговое государство // Он же. Сочинения: в 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 2.

⁹ См. Фихте И.-Г. Речи к немецкой нации. М.: Наука, 2009.

¹⁰ См. Гегель Г.-В.-Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 102–146.

континентом. «Срединная Европа» представляла собой, по их убеждению, естественную область для германского проникновения. В частности, видный немецкий экономист, политик и публицист Фридрих Лист рассматривал «Срединную Европу» как переходный этап в процессе создания всемирной германской империи. Главным требованием Листа был доступ Германии к морям, без которого, по его мнению, «немецкий народ был бы подобен птице без крыльев»¹¹.

Развивая этот подход, видный немецкий поэт и идеолог германского единства Франц Мориц Арндт предлагал рассматривать Германию в качестве «середины нашей планеты» и «центрального пункта европейской жизни». Границы Германии, согласно Арндту, должны были простираться от Северного до Балтийского и от Черного до Балтийского морей. Именно в этом случае Германия смогла бы обладать «двумя руками и двумя глазами», с помощью которых была бы в состоянии «контролировать всю Европу»¹².

На рубеже XIX—XX веков идеи избранности и экспансии были дополнены природно-географическим детерминизмом, благодаря чему произошел перенос биологических закономерностей на политику. Как отмечает польская исследовательница А. Вольф-Повеска, атмосфера политического мистицизма, которая определяла состояние народной идеологии и политическое развитие Германии в первой половине XIX века, побуждала многих мыслителей использовать естественно-географическую аргументацию в пользу германского объединения¹³.

Свое логическое завершение этот подход получил в творчестве Фридриха Ратцеля, стоявшего у истоков классической германской геополитики. Он сформулировал такие ключевые для нее понятия, как «антропогеография», «политическая география» и «жизненное пространство». Для Ратцеля было характерно отождествление государства с «живым организмом». В итоге пространство постепенно превращается в детерминируемую государственной волей категорию. Государство оказывается неразрывно связанным с определенными функциями обеспечения, интеграции и поддержания коллективных идентичностей, а также с определенной идеологией, в рамках которой оно выступает как «народное тело», «культурное тело», «Отечество».

По мнению Ратцеля, общая «ситуация господства» определяется в зависимости от пространственного положения государств. Сформулированный им закон гласил, что «государственное пространство», понимаемое в качестве «жизненного пространства», должно возрастать вместе с ростом населения страны. Последнее предполагает неизбежное изменение границ, выступающих в качестве периферийных органов государства¹⁴.

¹¹ См. **List F.** Um deutsche Wirklichkeit. Seine Schriften in Auswahl. Stuttgart: Kroner, 1938.

¹² См. **Arndt E. M.** Staat und Vaterland: eine Auswahl aus seinen politischen Schriften. München, 1921.

¹³ См. **Wolff-Poweska A.** Chancen und Risiken der Mittellage der Deutschen // Welttrends. 1994. № 4. S. 48.

¹⁴ См.: **Ratzel F.** Politische Geographie. Oldenbourg; München; Berlin, 1897; **Idem.** Die geographischen Bedingungen und Geetze des Verkehrs und der Seestrategie // Geographisch Zeitschrift. 1903. № 9. S. 489—513.

Таким образом, Ф. Ратцель рассматривал переход государств от малых пространственных форм к более крупным как проявление «естественного права растущих пространств». Границы в рамках его теории рассматривались как «постоянно изменяющиеся органы государства».

Ратцель выступал как принципиальный критик «малогерманской концепции», отвергая для Германии принцип «один народ — одно государство». Анализируя логику развития исторических (то есть национальных) движений, Ратцель приходил к заключению о «запоздалости» создания немецкого национального государства в центре Европы и необходимости территориальной экспансии. Из рассуждений Ратцеля о «жизненном пространстве» вытекало требование к Германии наращивать свое «государственное пространство», стремиться к изменению границ и покорению «периферийных областей».

Развивая идеи Ратцеля, видный немецкий национал-либерал Фридрих Науманн на волне германских военных успехов опубликовал в 1915 году книгу «Срединная Европа», в которой призвал страны Восточной Европы консолидироваться вокруг Германии и Австро-Венгрии и создать оборонный, таможенный и экономический союз. Консолидированная таким образом «Срединная Европа» была призвана, по Науманну, составить «экономическую область», способную стать ведущим фактором мировой экономики¹⁵. Поражение Германии в Первой мировой войне отложило реализацию этих планов — но, как выяснилось, ненадолго.

В период между двумя войнами концепция Ратцеля получила дальнейшее развитие в рамках классической немецкой геополитики, в частности в творчестве Карла Шмитта. Ключевые понятия разработанной им теории — «империя», «большое пространство», «интервенция», «политическая идея», «права народа» — выражали новое политическое мироощущение, вдохновляемое идеей реванша за болезненное поражение Германии. В апреле 1919 года Шмитт представил свою теорию «больших пространств» общественности. На место преодоленных «прав человека», по его мнению, должен был прийти новый, основанный на «правах народа» порядок «больших пространств». Идея такого порядка императивно содержала в себе запрет на вмешательство в дела «большого пространства» любых чуждых и внешних по отношению к нему сил¹⁶. По мнению Шмитта, каждое «крупное государство» в рамках данного «большого пространства» призвано создать свою империю, придав собственной конституирующей идее форму гегемониального порядка.

Исследователь творчества Шмитта М. Шмекель подчеркивает многозначность теории «больших пространств», которая вытекает из понятийной неясности и систематической противоречивости шмиттовской концепции. В частности, Шмитт не дает никакого четкого ответа на вопрос о статусе и правах других государств, объединяемых империей в рамках «большого пространства». Вследствие этого так до конца и

¹⁵ См. Naumann F. Mitteleuropa. Berlin, 1915. S. 3.

¹⁶ См. Schmitt K. Staat, Grossraum, Nomos: Arbeiten aus den Jahren 1916—1969. Berlin, 1995.

остается неясным, что же представляют собой «большие пространства», объединенные политической идеей империи¹⁷.

Известную незавершенность концепции Шмитта стремился компенсировать в своем творчестве другой классик немецкой геополитики — его современник Карл Хаусхофер. Ревизия духа и принципов Версаля, призывы к торжеству немецкой культуры и духа — вот те идейные основы, которые вдохновляли творчество этого мюнхенского теоретика «больших пространств». В конечном итоге именно Хаусхофер придал геополитике нормативный характер. Для него, как и для Ратцеля, «политика государств является неизбежным следствием их географических данных». Хаусхофер полагал, что геополитическое сознание государства должно в решающей степени определяться «пространственным пониманием», «пространственным сознанием» и «волей к оружию».

Из этих рассуждений вытекает идея мира, состоящего из замкнутых, автаркичных и конкурирующих друг с другом «пространств», которые сосредоточены в континентальной Европе. По мнению Хаусхофера, «угнетение немецкого народа, а также 40 миллионов других национальных меньшинств» должно быть преодолено благодаря глубокому преобразованию общеевропейского пространства. Анализируя общее положение дел в Европе и в мире, Хаусхофер пришел к выводу, что «в современной ситуации насильственное изменение и реорганизация пространства имеют плодотворный и конструктивный базис»¹⁸.

Упреждая возможные упреки, Хаусхофер осуждал те немногие голоса в Германии, которые требовали «уважать интересы других наций и в качестве равноправного партнера бороться за их интересы». Одновременно Хаусхофер ставил под вопрос жизнеспособность государств Восточной Европы¹⁹, оспаривая само их право на существование. При этом хаусхоферовское видение организации «больших пространств» не предусматривало никаких межгосударственных отношений внутри предполагаемого нового рейха.

После прихода к власти Гитлера и созданной им НСДАП немецкая геополитика была значительно трансформирована и использована для обоснования насильственных целей национал-социалистического режима. В итоге она приобрела ярко выраженный экспансионистский и милитаристский характер, воплотившись в политической практике «Третьего рейха». Ряд современных немецких исследователей усматривает в этом не только торжество «великогерманской» концепции над «малогерманской», но и победу «прусской» традиции над «рейнской».

Дело в том, что в политико-географическом смысле политический центр Германии в течение многих десятилетий находился главным образом в Берлине и Вене, но никак не на Рейне. Крах фашистской Германии в 1945 году резко изменил ситуацию. Образовавшаяся после окончания Второй мировой войны ФРГ сложилась именно как «Рейн-

¹⁷ См. Schmoeckel M. Die Grossraumtheorie. Berlin, 1994. S. 157.

¹⁸ См. Haushofer K. Bausteine zur Geopolitik. Berlin, 1928. S. 24.

¹⁹ См. *ibid.* S. 208, 147.

ская Германия», включив в себя население, которое в судьбоносный для германского объединения период с 1815-го по 1866 год по большей части придерживалось антипрусской традиции. Так, например, Рейнланд и Вестфалия оказались под властью Пруссии лишь по решениям Венского конгресса, а в войне 1866 года на стороне Австрии выступили крупнейшие немецкие государства того времени — Бавария, Вюртемберг, Баден, а также Ганновер и Нассау.

Конрад Аденауэр, ставший первым канцлером ФРГ, был одним из последовательных сторонников «антипрусской» линии. Еще в декабре 1945 года в беседе с представителем британской оккупационной администрации он заявлял, что величайшей ошибкой британцев в отношении Германии было то, что они позволили «безумной Пруссии» установить свое владычество над Рейном²⁰. Правительство британских лейбористов во главе с Клементом Эттли предприняло тогда ряд шагов, всемерно содействуя переносу политического «центра» Германии с берегов Шпрее на берега Рейна. Так, еще до официального создания ФРГ местом пребывания западногерманского правительства был определен тихий рейнский город Бонн, что не в последнюю очередь содействовало существенной трансформации немецкой геополитической традиции в сторону либерализма и общеевропейских ценностей.

Послевоенные рефлексии и современность

Послевоенное поколение немцев получило возможность развивать национальную идею, свободную от рухнувших имперских тезисов о необходимости завоевания новых территорий. Провозглашенная известным немецким журналистом и экспертом по внешней политике Ф.-Р. Аллеманном формула «Бонн — не Веймар» наиболее точно отражала настроение многих умов в тогдашней Германии. В своей одноименной книге он приходил к заключению, что поражение 1945 года «уничтожило национальный нерв» и одновременно создало новые перспективы развития²¹. Аллеманн, в частности, призывал извлечь из «немецкой катастрофы» «новую национальную энергию», благодаря которой «творение победителей превратилось бы в результат творчества самих немцев». Предпосылкой этой разительной перемены, по мнению эксперта, стало то, что в сознании немецкого народа после Второй мировой войны произошли глубокие «не столько политические, сколько, прежде всего, идеологические сдвиги, последствия которых глубоко отразились на политической жизни, на отношении людей к государству и его конкретным формам». Естественным ориентиром во внешней политике для возрожденной Германии стала Европа, которая предоставляла стране возможность выхода из «состояния слабости», в котором она оказалась после разгрома 1945 года. В результате все то, в чем Германии отныне

²⁰ См. Ribhegge W. Preußen im Westen. Kampf um den Parlamentarismus in Rheinland und Westfalen 1789—1947. Münster, 2007. S. 42.

²¹ См. Allemann E.-R. Bonn ist nicht Weimar. Köln, 1956. S. 115.

было отказано на национальной почве, оказалось перенесено на «над-национальный уровень»²².

Подобное изменение мировоззренческих ориентиров общества позволило немецким исследователям по-иному рассматривать проблему самоопределения Германии в рамках общеевропейского пространства. Важной частью дебатов, развернувшихся по этому вопросу, были споры о концепции германского нейтралитета и пацифистского движения, которые проходили еще в период сохранения «железного занавеса». Для участников подобных дискуссий Европа 1980-х годов представлялась безмолвным, несамостоятельным, разделенным на сферы влияния континентом, а Германия, казалось, была призвана — исходя из своего политического положения — стать вдохновительницей процессов, целью которых должно было стать преодоление границ между политическими блоками.

Критическому переосмыслению подверглось, прежде всего, «срединное положение» Германии в Европе. В свое время именно оно рассматривалось историком Х. Шульце как проявление ее неминуемой «исторической судьбы». В своем труде «Веймарская Германия, 1917—1933» он, в частности, писал: «Ключевой константой немецкой истории является срединное положение в Европе, немецкой судьбой является география»²³. По мнению другого историка, А. Хильгрубера, именно «срединное положение» Германии «превращает ее в безвольный объект многочисленных манипуляций, что оказывает вполне определенное влияние на немецкую политику»²⁴.

Изменение политической ситуации в канун падения «железного занавеса» привело к переменам в оценках и суждениях. В условиях ослабления напряженности между Востоком и Западом немцы снова начали открывать для себя как «светлые», так и «темные» стороны своего географического положения. Осознанное по-новому значение геополитической ситуации, в свою очередь, способствовало выработке идей формирования нового европейского порядка, в рамках которого Германия могла бы играть роль посредника в урегулировании существующих конфликтов. Эта миссия, как представлялось многим исследователям, неизбежно вытекала из «европейского выбора» Германии с момента создания ФРГ. Именно об этом шла речь в ряде концептов, которые стали выдвигаться немецкими политиками и интеллектуалами еще в период разделения Европы на два военно-политических блока.

Так, берлинский историк П. Брандт, сын бывшего канцлера ФРГ, выступая совместно с Х. Амоном, провозглашали желание видеть в «Средней Европе» «землю мира», жители которой, свободные от предубеждений, созданных политической реальностью, сформировали бы в итоге единое государство. Освобождение Германии от членства в военных бло-

²² См. *ibid.* S. 83, 415, 128.

²³ Schulze H. Weimar. Deutschland 1919—1933. Berlin, 1982. S. 18.

²⁴ Hillgruber A. Ein Pfad und drei Holzwege: was Amerika in der deutschen Frage falsch gemacht hat // Deutschland-Archiv. 1984. №. 4. S. 368—376.

ках, в свою очередь, могло бы дать шанс на создание «сферы разрядки» и фундамента для мира на всем европейском континенте²⁵.

Развивая эту тему, бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт указывал на неразрывную связь между политическим позиционированием Германии и ее взаимоотношениями с соседями: «Мы, немцы, имеем гораздо больше соседей, чем все другие нации Европы. Географическое расположение в середине нашей относительно маленькой, но густонаселенной части земного шара делает для нас весьма сложным делом существовать в мире со всеми соседями, которые живут как на периферии континента, так и на его островах или полуостровах... Рассматривая географию и историю Европы, любой увидит, что отсутствие мира красной нитью проходит через всю судьбу немцев»²⁶.

Следует заметить, что Германия, мыслившая себя неотъемлемой частью объединенной Европы, в процессе переосмысления прежних геополитических концепций еще на исходе «холодной войны» предлагала собственный вариант «мягкой интеграции». Так, бывший председатель СДПГ, приверженец идеи «Европы регионов» Петер Глоц в одной из своих статей призывал «использовать концепцию “Срединной Европы” как инструмент второй фазы политики разрядки». Он высказывал пожелание, чтобы границы между Прагой и Франкфуртом, Веной и Будапештом были снова преодолены: «Срединная Европа... побуждает нас к интенсивной торговле и тесному переплетению наших глубоко родственных культур»²⁷. Идея «Срединной Европы», согласно Глоцу, представляла собой версию немецкого пути к разрядке, приглашение к открытости культур небольших государств Центральной и Восточной Европы. Претворение в жизнь этой идеи, по мысли политика, должно было вести не к созданию какого-либо германского командного «центра» в Европе, а к выдвиганию Германией мирной инициативы, направленной на смягчение политического и блокового противостояния.

Падение «железного занавеса» и объединение Германии изменили сложившуюся ситуацию. Перенос столицы на берега Шпрее и возникновение «Берлинской республики» не привели к возрождению прусской традиции, а скорее уравнивали рейнскую концепцию возросшим восточногерманским влиянием. Масштабная дискуссия о перспективах внешнеполитической стратегии 1990 года (тематически связанная с аналогичными дискуссиями 1950-х и 1970-х годов), ставшая реакцией на произошедшие изменения, не позволила, однако, сформулировать глубокий и содержательный ответ на волнующие германскую и европейскую общественность вопросы.

Благодаря ситуации, сложившейся после объединения ФРГ и ГДР, Германия впервые четко определила размер своей территории, консолиди-

²⁵ Brandt P., Ammon H. Patriotismus von Links // Die deutsche Einheit kommt bestimmt / W. Venohr (Hrsg.). Bergisch-Gladbach, 1982. S. 158.

²⁶ Schmidt H. Die Deutschen und ihre Nachbarn. Berlin, 1990. S. 13.

²⁷ Glotz P. Deutsch-böhmische Kleinigkeiten oder: Abgerissene Gedanken über Mitteleuropa // Die Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte. 1986. № 7. S. 585.

ровавшись в качестве национального государства и не ставя более под вопрос свои национальные границы. Современное поколение немцев впервые имеет возможность развивать национальную идею, которая не содержит имперских тезисов о необходимости завоевания новых территорий. Это обстоятельство позволяет немецким исследователям по-новому подходить к рассмотрению проблемы самоопределения Германии в рамках общеевропейского пространства.

В 1992 году политолог Х. Маулль высказал убеждение в том, что Германия призвана действовать на международной арене как «цивилизованная сила» (*Zivilmacht*), содействуя распространению цивилизованных принципов международной политики на региональном и глобальном уровнях, причем не только мирными, но и военными средствами²⁸. Развивая эту идею, другие ученые высказывали мнение о том, что, «пока германское будущее лежит в Европе, Германия останется цивилизованной силой»²⁹.

В качестве альтернативы концепции *Zivilmacht* исследователь М. Штаак выдвинул идею о Германии как о «торговом государстве» (*Handelstaat*), имеющем своей целью «экономическое развитие и максимизацию благосостояния» и действующем «в кооперации с важнейшими транснациональными акторами... за счет использования ресурсов мягкой силы (*soft power*)»³⁰. А политолог Ю. Гросс полагал оптимальной для Германии «стратегию многополярности», позволяющую приспособиться к реалиям глобального мира и ставящую целью стабильность для Европы³¹.

Кризис 2008 года внес изменения в сложившуюся ситуацию, что повлекло за собой пересмотр понимания «европейской миссии» Германии. В частности, У. Герот, возглавляющий берлинское бюро Европейского совета по международным отношениям (*European Council on Foreign Relations, ECFR*), выступая в 2012 году в Аахене, так обрисовал свое видение новых германских задач в объединенной Европе: «Германия должна продемонстрировать стратегический взгляд и лидерские качества... Благодаря евро Германия стала мировой державой. Несмотря на это, она, к ущербу для себя, не понимает — или не хочет понять, — что евро по самой своей природе является политическим»³².

Профессор публичного права К. Шенбергер, в свою очередь, описал, каким образом изменилась миссия Германии в связи с общеевропейским финансовым кризисом: «Гегемония в рамках ЕС требует от немецких элит и немецкой общественности того, к чему Германия с учетом ее положения в центре Европы стремилась всегда: отказа от национальной интроверсии; внимательного изучения, наблюдения и оказания влия-

²⁸ См. **Maul H. W.** Deutschland als Zivilmacht // **Schmidt S.** Handbuch zur deutschen Außenpolitik. Wiesbaden, 2007. S. 73 f.

²⁹ **Weisskirchen G.** Wandel durch Annaeherung // *WeltTrends*. № 44. Herbst, 2004. S. 116.

³⁰ **Staack M.** Handelsstaat Deutschland: deutsche Außenpolitik in einem neuen internationalen System. München, 2000. S. 29—32.

³¹ **Groß J.** Stabilität im Chaos: deutsche Strategie im 21. Jahrhundert. Baden-Baden, 1998. S. 70.

³² См. Deutschland radio Kultur. 11 Juni 2012.

ния на соседей; определения собственных интересов с учетом интересов партнеров». Исходя из изменившейся ситуации и открывшихся перед Германией новых возможностей, автор категорично заключает: «Ни ментальная и институциональная сосредоточенность на себе, ни ограничение управлением собственной территорией непозволительны для Федеративной республики... Германия должна нести бремя гегемонии, даже если оно оставляет болезненные следы на ее плечах»³³.

Впрочем, в германской экспертной среде звучат и более сдержанные оценки перспектив Германии в складывающейся ситуации. Так, например, Б. Ульрих, главный редактор влиятельного гамбургского еженедельника «Die Zeit», высказался об этом так: «Германия — это средняя по своему потенциалу мировая держава, которая сильнее любой из стран Европы, но при этом очевидно слабее США и современного Китая. До момента объединения и после него в интересах Германии было не показывать свою силу, чтобы не мобилизовать против себя существующие “исторические предрассудки”»³⁴. А Х. Кунднани из Европейского совета по международным отношениям придерживается мнения, что «Германия способна перерасти свои “естественные рамки”. Соседи больше не в силах ее сдерживать, однако Германия недостаточно велика для того, чтобы стать гегемоном»³⁵.

Все сказанное позволяет заключить, что исходная «идея ЕС», предполагавшая создание общеевропейского «мирного порядка» за счет «сдерживания Германии» с помощью блоковых структур и за счет включения других стран, во многом исчерпала себя. Германия, неоднократно до этого проявлявшая стремление к доминированию на континенте и ставшая инициатором двух мировых войн, долгое время была «уравновешена» с учетом возможностей «третьей попытки». Сегодня возможность такой попытки — разумеется, в совершенно ином обличье и совершенно иными методами — представляется весьма вероятной. Безусловно, она едва ли примет форму традиционного реванша и, наверняка, не будет основана на «лобовом» противопоставлении германских интересов и общеевропейских ценностей. На месте идеи доминирования над континентом скорее всего окажется идея лидерства и консолидации ради совместного выживания и движения вперед.

Интересы германской корпоратократии, очевидно, будут продвигаться под лозунгами «экономической эффективности»; они же при определенных условиях могут послужить обоснованием для демонтажа остатков европейского социального государства. Не будет возврата к германскому национализму и шовинизму — вместо этого, в противовес

³³ Schönberger Ch. Hegemon wider Willen // Merkur 752. Januar 2012. S. 1.

³⁴ Ulrich B. Wofür Deutschland Krieg führen darf. Und muss — Eine Streitschrift. Reinbek, 2011. S. 64—67.

³⁵ Kundnani H. Paradoxon Deutschland: eine geoökonomische Macht in der Zwickmühle // Internationale Politik. 2011. № 6. S. 67.

устоявшимся национальным суверенитетам, видимо, будут поощряться «малые национализмы» и региональные идентичности. «Малым нациям», вместо ассимиляции в духе германских теорий XIX—XX веков, в той или иной форме может быть предложена опека со стороны Берлина. Оппонентами «нового германского порядка» как в Европе, так и в самой Германии, очевидно, выступят приверженцы традиционной концепции национального государства, радикальные левые и радикальные правые, а сторонниками и сподвижниками — либералы, умеренно правые и системные левые (социал-демократы, постепенно переходящие на позиции социал-либерализма).

Так или иначе, возникновение нового глобального центра силы — большого импероподобного пространства «Европа» с германским ядром, решая одни проблемы, создаст другие — как для европейских соседей ФРГ, так и для России. Дальнейшая постепенная ревизия целого ряда постулатов и ограничений германской внешней политики в связи с этим представляется практически неизбежной. Что это может означать для российских интересов? В краткосрочной, а возможно, и в среднесрочной перспективе подъем Германии является положительным фактором для нового геополитического позиционирования России. Наша страна получает мощный стимул быстрее и эффективнее выстраивать свое «большое пространство», продвигая идею евразийской интеграции, а равно и вырабатывать новую стратегию взаимодействия с перестраивающимся на глазах европейским пространством — причем используя не прежние идеологемы и набивший оскомину экономикоцентричный подход, но предлагая свой собственный вариант «soft power». От успешности этих интеграционных начинаний будет зависеть качество российского «ответа» на современные «вызовы». ◆